шему критику Н. Н. Страхову Толстой пишетъ: „Ваше сужденіе о моемъ романѣ вѣрно, но не все, т. е. все вѣрно, но то, что вы сказали, выражаетъ *не все*, что я хотѣлъ сказать". Причина простая и несомнѣнная. Цѣлостный художественный образъ *неразложимъ по природѣ своей* на дискурсивныя сужденія критика, какъ бы ни были талантливы эти сужденія, и Толстой съ истиннымъ величіемъ говоритъ: „Если бы я хотѣлъ сказать словами *все* то, что имѣлъ въ виду выразить романомъ, *то я долженъ былъ написать романъ тотъ самый, который я написалъ сначала*". „Сущность искусства" „состоитъ въ безконечномъ *лабиринтѣ сцѣпленій*", и эти сцѣпленія выразимы лишь въ художественномъ, сверхразсудочномъ образѣ-символѣ. Находясь въ художественномъ, Ерошкиномъ, періодѣ своей жизни, Толстой понималъ нѣчто большее. Онъ понималъ, что и *въ философіи* „пфулевскій" умъ даетъ результаты плачевные. „Философія чисто-умственная *есть уродливое западное произведеніе*, и ни грекъ Платонъ, ни Шопенгауэръ, ни русскіе мыслители не понимали ее такъ".

Противоположность между однимъ Толстымъ и другимъ съ особенной силой сказывается въ исключительности *зрячести* и въ исключительной *слѣпотѣ*. „Нашъ братъ,—пишетъ онъ Н. Н. Страхову,—безпрестанно, *безъ переходовъ прыгаетъ* отъ унынія и самоуничиженія къ непомѣрной гордости". Эти переходы естественны и необходимы. Доколѣ на крыльяхъ созерцанія, божественно ему данныхъ, Толстой слѣдуетъ сверхразсудочному *сцѣпленію образовъ*, творчески въ немъ возникающихъ, онъ „богъ", онъ все видитъ и власти его нѣтъ предѣловъ. Но какъ только, оставляя богоданныя крылья, онъ пытается идти ногами разсудка, онъ превращается въ самаго обыкновеннаго червя, связаннаго въ своихъ движеніяхъ, плѣненнаго слѣпотой и незнаніемъ.

„Я охотникъ,—говоритъ Ерошка.—Противъ меня другого охотника по полку нѣтъ. *Я тебѣ всякаго звѣря, всяку птицу найду и укажу; и что и гдѣ—все знаю...* Я какой человѣкъ! Слѣдъ найду,—ужъ я его знаю звѣря; и знаю куда ему лечь и куда пить или валяться придетъ... Все-то *ты знаешь, что въ лѣсу дѣлается*. На небо взглянешь,—звѣздочки ходятъ, разсматриваешь по нимъ, времени много ли. Кругомъ поглядишь,—лѣсъ шелыхается, выждешь, вотъ-вотъ затрещитъ, придетъ кабанъ молиться. Слушаешь какъ тамъ орлы молодые запищатъ, пѣтухи ли въ станицѣ откликнутся